

Таким образом, в духовной поэзии XVIII столетия звукообразы использовались с опорой на древнюю библейскую традицию.

Благодаря произведениям стихотворцев «осмнадцатого» столетия были раскрыты богатые возможности использования поэтики звукообразов, что нашло блестящее продолжение в лирике поэтов XIX века.

Литература

Азбукина А.В. Семантика образа птицы в поэзии Г.Державина / А.В.Азбукина // Г.Р. Державин в новом тысячелетии. Материалы международной научной конференции, посвященной 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета (10-12 ноября 2003 г.). – Казань, 2003. – С. 3-5.

Державин Г.Р. Стихи [Электронный ресурс] / Г.Р.Державин // Сборник духовной поэзии. Режим доступа: <http://www.christianart.ru>

Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии / Л.Ф.Луцевич. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – 608 с.

Сумароков А.П. Стихи [Электронный ресурс] / А.П.Сумароков // Сборник духовной поэзии. Режим доступа: <http://www.christianart.ru>

Г. Р. Державин и Е. И. Костров

А. А. Клепцова

Вятский государственный гуманитарный университет

Ключевые слова: Е. И. Костров, Г. Р. Державин, русская поэзия XVIII века, творческий диалог

XVIII век, первый век развития светской культуры в России, был отмечен яркими переменами и значительными достижениями во всех областях общественной жизни. Российская империя окончательно вошла в число великих европейских держав благодаря славным победам, великим научным открытиям и ярким культурным деятелям. В их числе уроженец Вятской земли, штатный стихотворец Московского Университета, Ермил Иванович Костров, своим скромным пером и великим гением прославлявший кумиров эпохи.

Адресатами поэтической похвалы Е. И. Кострова становились люди достойные, с честью выполнявшие свой долг. Это люди, которые были беззаветно преданы Отечеству и Богу, хорошо знали и делали свое дело, честные, великодушные. Одним из

них был Гавриил Романович Державин - сподвижник Екатерины смелый, решительный, мужественный человек, и, вместе с тем, чуткий и тонкий поэт.

Ода «Фелица» Г. Р. Державина стала новым словом в русской литературе, Е. И. Костров в 1783 году откликнулся на это гениальное творение «Письмом к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевны Киргизкайсацкой». Письмо представляет собой похвальные стихи, в которых Костров от всего сердца восхищается творчеством Г. Р. Державина, приветствует «путь непротоптанный и новый». Костров принимает и перенимает манеру нового державинского слога. После знакомства с «Фелицей» он освобождается от правил «высокого стиля», начинает писать проще, естественней, играя размерами, и свою высокую похвалу поэту воздает в разговорной «низкой» манере: *«Царевне похвалы вещь а, / [Пашей затеи исчисляя](#), / Ты на гудке гудил и равно важно пел; / Презрев завистных совесть злую, / Пустился ты наудалую ;/ Парнас, отвагу зря, венец тебе сопел»* [Костров, 1802, 1: 115]

Е. И. Костров природным чутьем понимает, что будущее за художественными открытиями Державина.

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдая законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться
В своем полете возвышаться,
Фелицыны дела явятся выше нас.
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам, по сей дороге
Идя со скромностью, к ней возносить свой глас...

[Костров, 1802, 1: 115].

Ермил Иванович как бы предугадал в новом, Державинском, стиле начинающееся противостояние московской (классической, ложноклассической) и петербургской (чертами которой были простота слога и отказ от поэтики «парящей оды») манер. Это противостояние было отмечено К. Г. Бронниковым (см.: [Бронников1997: 32–35]).

Певец! которому с улыбкой нежной муза
Недавно принесла с парнасских гор венки,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты невольный пьешь поток...

[Костров, 1802, 1: 115]

Видя, как на стыке веков меняется мир, как одна столица Российской империи передает бразды правления другой – молодому и модному Петербургу, Ермила Ива-

нович переносит эту метафору в свое творчество, признавая будущее за Петербургом, за Державиным, за новым литературным слогом: *«Чрез почту легкую и до Москвы достигла / Фелицы похвала к восторгу всех сердец; / Всех чтущих честь тебе воздать она подвигла, / Все знающие вкус сплели тебе венец»* [Костров, 1802, 1: 115].

Поэтического ответа на «Письмо...» не последовало, либо не сохранилось. Зато в рукописях 1790-х годов сохранилась эпиграмма Державина, адресованная Кострову: *«Весьма злоречив тот, неправеден и злобен, / Кто скажет, что Хмельнин Гомеру не подобен, / Пиита огонь везде и гром блистает в нем, / Лишь пахнет несколько вином».*

Была ли эта эпиграмма вызвана дружескими чувствами, стремлением «вразумить» Ермилу Ивановича, устыдить его, направить на «путь истинный», просто шуткой, или сарказмом – судить трудно – слишком велика пропасть между этими двумя великими личностями XVIII столетия. Костров принадлежал к классу разночинцев, был профессиональным литератором, то есть зарабатывал свой «хлеб насущный» именно литературой, а Гавриил Романович был дворянином, вельможей, для которого литература была средством оставаться самим собой, отвлекаться от вопиющих несправедливостей, царивших в государственных кругах. Но оба поэта едины в общей цели – прославление Российской Империи, развитие её культуры.

Таким образом, мы наблюдаем две ветви творческого диалога «Костров - Державин» - географическую (московский - петербургский слог) и социальную (штатный стихотворец-вельможа). К. Г. Бронников называет эту оппозицию «взаимообогащающей» [Бронников 1997: 36]. Костров творчески отреагировал на новаторство Державина в одической поэзии, но своим поэтическим посланием дал возможность Державину увидеть «со стороны» реализацию «нового» слога в поэтической речи.

Также К. Г. Бронников видит взаимообогащение в том, что «...Державин открыл для себя приметы предромантизма из уст поэта и переводчика Е. И. Кострова» [Бронников, 1997: 37].

Развитие русского предромантизма во многом связано с французскими переводами, в том числе, с переводом «Песен Оссиана», которым занимались и Костров, и Державин. Костров переводил «Оссиана» с французского, уже предромантического перевода. Державин – с оригинала. Костровский перевод был осуществлен чуть раньше, но оказал ли он творческое влияние на Державинские переводы? Г. А. Гуковский считает, что «...костровский Оссиан не только дал мотивы для «оссианических» произведений Державина, но и воспитал читателей, способных оценить «оссианическую» стихию в творчестве и Жуковского, и Рылеева, и молодого Пушкина, и многих других их современников» [Гуковский 1947: 472]. А Ю. Д. Левин в книге «Оссиан в России» ничем не подчеркивает связь этих переводов (см.: [Левин, 1980]).

Как мы видим, этот вопрос достаточно спорный и требует дополнительного изучения, внимательного сравнения переводов «Песен Оссиана». В этом заключается перспектива нашего дальнейшего исследования.

Литература

Бронников К.Г. «Поэт осемнадцатого столетия»: Творческий путь Е.И. Кострова / К.Г.Бронников. – М.: Прометей, 1997

Гуковский Г.А. Костров / Г.А.Гуковский // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. – С.462–472.

Костров Е. И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 ч. / Е.И.Костров. – Ч. 1., 2. – СПб.: Императорская типография, 1802.

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века / Ю.Д.Левин. – Л.: Наука, Ленингр.отд-е, 1980. – 205 с.

Поэт Державин и адмирал Ушаков: история страны в подвиге личности

Е.В.Курбакова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова
(Нижний Новгород)

Ключевые слова: Державин, Ушаков, история России

Сопряжение имен Г.Р.Державина и Ф.Ф.Ушакова вряд ли возможно на филологической «площадке». Один из них – известный государственный муж и великий российский поэт XVIII столетия – деятель в области внутренней политики России. Другой – непобедимый адмирал российского флота той же эпохи, внесший грандиозный вклад в укрепление внешней политики страны и рост ее международного авторитета. О каждом из них выполняются исследования специалистами разных областей. Однако сближает эти имена масштаб религиозно-философских, аксиологических, социально-мировоззренческих вопросов той великой эпохи. В этой связи жизненный подвиг каждого из этих исторических деятелей – блестящий материал для исследования публицистического характера.

Гавриил Романович Державин (1743-1816) и Феодор Феодорович Ушаков (1745-1817) были выходцами из небогатых дворянских семей и родились в глубинке России (Державин – в Казанской губернии, Ушаков – в Ярославской). Прилежное